

Последний обелиск

Никогда не зарекайся делать завтра то, что ты окончательно отверг и уничтожил сегодня, особенно у нас не зарекайся, в России... Русский человек - необыкновенный человек: за всех болеет, всех слушает, а лишь останется наедине с самим собою, обязательно против себя чего-нибудь отморочит. Если не Революцию, то бунт, если не бунт, то перестройку или еще какую махинацию.

Вот, к примеру, взять Тимофея Федоровича Солодиков?.. Ну, Солодиков, ну, Тимофей Федорович, внешне, а внутри - птица большого полета. Отец его - командир продотряда: изымал, под щелчок, пшеницу и кур у хуторян, у своих же, далеко не отклонялся. Пшеницу - для питерских рабочих, а кур - дабы не переводили зерно на говно, как выражался продотрядовец.

Лежит Солодиков Федор Иванович не на общем кладбище. Общего кладбища нет: деревня рухнула и кладбище исчезло. Лежит старый большевик, продотрядовец, на бугру, под скромным обелиском лежит, а деревню ветер Революции разметал. Люди вытекли из нее, как вода из решета, мужики на войнах успокоились, а вдовы и убогие почти повымерли. Простор - мчись до Китая, и там не нужны мы!..

Но сын продотрядовца, Тимофей Федорович, усидел-таки в родной деревеньке: огородик лопатой вскапывает с женой Клавдией, сенца косой по лету припасут - зимою три раза в день кушают нормальную картошку с молочком и даже сладким чаем запивают, хоть сахар не укупить, а хлеба в деревушку не планируют. Деревушка - девять дворики, калеки, да изношенные народной властью людишки. Людьями не назовешь - здоровьем и разумом куцые, на грядущее не годятся. Останки от челяди как бы.

А Тимофей Федорович не кукуется: волевой и жилка вождистская в нем от бати-продотрядовца не порвалась, значит - прочная. Тимофей Федорович ссорится с

бригадирами и председателями подряд: едва назначат - скандал, запоминать имена не успевает и материт начальников интуитивно, авось угодит в хама и проберет до печени!.. Иногда и ошибется.

Одного назначили - Тимофей Федорович с матом к нему, а тот по носу пальцем щелк и далее - щелк, и вновь интеллигентно нацелился, а Тимофей Федорович качнулся то ли от удивления, то ли от публичного позора кувырк на спину, едва воскресили нашатырем и суперфосфатом. Нашатырь - глупость выбивает из башки, а суперфосфат - жар нагоняет и кровь по человеку без останова носится. Лекарств нет - гонят кровь. Люди суперфосфатом натираются. Щелчок в сусеке - печаль, а щелчок по носу - юмор. И щелкаются болваны. Россию прощелкали, не вернуть.

Калеки, хворые и застарелые сползлись на веранду Тимофея Федоровича, поступок лидера одобрили, а бригадира освободили за вспыльчивость и надругательство над личностью. С тех пор деревню вообще кинули на произвол: председатели ее сторонятся, а бригадиры пугаются. И приехал в деревню толстый и веселый Багул Абрекович Халухадзе. В японской шапочке, от жары, в американских джинсах, в китайской майке и в канадских кроссовках, настоящий европеец, на каждой вещи - герб синтетический или клеймо кожаное, швед, словом, а может, федеративный немец, австриец чертов!

По-русски лучше Тимофея Федоровича шпарит. Клавдия едва успевает укроп и лук подавать, а снеди Халухадзе приволок - соседи до сыта напробуются. "Сытырою том, разрэщили, четыр этаж, во тоговор-квитанцыя!" И показал паспорт. Да, дом не простроен, а паспорт уже... Честный какой!

И развернулся: экскаватор долбил родную землю, как вражескую, клыками, клыками, а самосвалы ревели и пропадали, выныривая из ямы, чад висел - калининцы кашляли до крови. Деревня-то - Калининка: Михал Иваныч Калинин - в честь старосты назвали - возвращался из ссылки, чай пил у Федора Ивановича, да с медом, да с ватрушками и кренделями, сидели Иванычи пили... А сейчас? Опять поднимай продотрядовцев? Но крестьяне где? Пили чай, о Революции размышляли.

А мы, да и сын продотрядовца Тимоша, мы в школах по учебнику: "Кровососы, кровососы, дармоеды, купцы, помещики!".. Мир в Калининке пуст. А кровь гоняют суперфосфатом. Кровососы? Муть, поди, в мозги нам вдохнутая? Багул Абрекович Халухадзе строится - и мы немножко строимся. А сами: "Классовая борьба, классовая борьба!" Заведенные

попугаи.

Бабушка Фрося дернула из штабеля у Халухадзе дощечку, выпилила из нее пять штакетин, калиточку отремонтировала - залюбуешься. Культяпый Фрол - на заводе ладони ему станком отломило - к бетономешалке и ведро налил из запасов Багула. Сунул каменщикам десятку, не сунул, они за так налили бы ведерочко, а Фрол площадочку, ботинки на солнышке сушить, смастерил, выдумщик... А пегий, полулысый бобыль Саня, дурак холостой, дровец, баньку протопить, насобирал из щепы у здания Багула Абрековича Халухадзе. Напарился!

Честно сказать, Калининка преобразилась: кто печь, кто колодец, кто щель у сарая подмазал, а уперся Тимофей Федорович, мол, не желаю милостыни. Но запнулась пожилая Клавдия, супруга, об ребро камня, стежка к умывальнику опасная, упала, ногу поранила, хромает, бедняжка: "Ты, Тимоша, партейней отца-продотрядовца, тот деревню грабил питерцам, а ты собственную жену об камень ударил, нищета красная!"..

И с ведром к бетономешалке, потупясь, явился Тимофей Федорович. Опорожнил - мало. Опорожнил - мало. Опорожнил - замечательно. Дорожка - стекло и стекло. Четыре червонца, а польза бессмертная. И если бы не Барбос, кобелек трясучий, праздник длился бы и длился. Вскочи он лапами на дорожку и - проштамповал, аж по середине. Круглая печать, глубокая, четкая, двойная и цепочкой!..

Строительство дома, особняка, виллы, дворца, хоть как отметить в документе, закипело. Стены - белый кирпич, балконы - голубой кирпич, а парадный подъезд - розоватый мрамор. Плиты аккуратные, квадратные, пиленые. Тон создают - теплый, заревой, как на крохотном обелиске продотрядовца, отца Тимофея, сколочек розовый, а остальное на нем - серая масса...

Телефон-автомат у гаража. Гараж готов. Багулова "Тойота" с подругой "Волгой" ночуют в гараже, выложенном под зданием нового жильца древней деревни Калининки... Калининцы - наивные куры: суетятся без толку. Шум организуют - звонят на почту, звонят в универмаг, звонят в медпункт. Можно предположить: на почте ждут их телеграммы из ООН, в универмаге - песцовые шубы, в медпункте - персональная сестрица, ах, дети, дети, эти калининцы, куры, взбулгаченные свежим продотрядовцем.

Местная организация "Звезда Октября", руководимая Тимофеем Федоровичем, боролась за реабилитацию гимна. Члены "Звезды Октября" писали жалобы, заявления и грозили, требуя исполнения державного ритуала.

* * *

Очнувшись к шести утра, Тимофей Федорович Солодиков напрасно включал радио - молчание. Торжественный гимн - в опале. И решил Тимофей Федорович играть гимн на гармонике отца. Федор Иванович талантливо исполнял на ней "Интернационал", а сын - гимн Советского Союза.

Тимофей Федорович старательно нажимал на клавиши, и хор, в несколько пожухлых уст, похрипывал:

Союз нерушимый республик свободных

Сплотила навеки великая Русь,

Да здравствует созданный волей народов

Единый могучий Советский Союз.

И - завывал, пробуксовывая:

Славься, Отечество наше свободное!..

Бабушка Фрося зажмуривалась и кренилась от общего мотива, а культяпный Фрол, замечтавшись, наверх посылал свой простуженный баритон. Саня, дурак, фальцетил, но соблюдал канву, а Клава, споткнувшаяся супруга, задиристо выскакивала вперед. Остальные - искренне ровнялись на Тимофея.

Тимофей играл. Мелодия звучала. И разноладный хор плыл по лужайке. От лужайки - к обелиску. От обелиска - к заросшему кладбищу. Не хор, а стон. Стон всполошенный и выдворенный в окрестность Калининки трудностями, нищетой и жестокостью судьбы обитателей.

Под черными крестами шептались травы, а над черными крестами гнулись молодые березы. Робкие цветы дрожали и растворялись в синеве лета. Боже мой, боже мой, не осуждай христиан твоих, обкраденных палачами. Дай им на минуту утоления и лечащей жажду влаги спасения. Помилуй их!..

В момент движения хора от лужайки до обелиска и от обелиска до погубленного кладбища Калининка траурно пустела: способные шевелиться и составляли этот удивительный организм неиссякаемой печали и благородства. Хор мог двигаться весной, летом, осенью и зимой, выбирая погодливый промежуток.

Весною двигались на мужчинах и женщинах - залатанные солдатские плащи, фуражки, вылинявшие пальтишонки и платки, летом - дешевенькие пестренькие рубашки и платья, осенью и зимою - измусоленные чудовищные бушлаты, фуфайки и шинели, колышимые стоптанными валенками. Порою не отличить - женщина шагает, мужчина ли? Да и лица - конкретизировались на жаре и на стуже, лепимые бранью бригадиров и председателей под уголовный тип: лица - отрешенные узники, выпущенные умирать на волю, а воля им на кой черт?

Когда бы вместо гробового хора по улице пробежала гурьба вихрастых ребятишек с мячами или салазками, а в ливень - босиком, с визгом и хохотом, а за ними - собаки, а за собаками - куры, да распахнулись бы веселые окна домов, ну кто бы не затосковал по детству, по семье русской, вскормленной молоком и пирогами? И пусть бы все ребятишки, все собаки, все куры проштамповали бы лапами помещичью усадьбу Багула Абрековича Халухадзе, а трясучий Барбос и помочился бы...

Но осиротела Россия. Расстрелянные избы ее взмыли в бездонную высь и теперь оттуда мигают нам, обернувшись далекими огоньками, и рассыпаются над нами. Земля отпустила их, а мы не удержали. Ослабли. Мало нас... И даже древние славянские холмы сутулее прежнего и настороженнее коротают ночи в долинах.

Но слышал я, ни единой звезде не потухнуть, если Сергей Радонежский не согласится. С холма на холм, из долины в долину идет он, легкий и белокрылый. Идет, серебрится, ботожком взмахивает, заметит погасшую звезду, свечкой прикоснется - вспыхнет звезда и снова горит и светит. А Сергей молитву творит, прощения заблудшим просит. Слепоту их отмаливает...

Двигается хор. От лужайки - к обелиску. От обелиска - к праховому кладбищу. Некоторые встречные плачут, некоторые смущенно улыбаются. И-и-и... дорога многих познакомила с хором. Многие закручинились и поумнели. И лишь смугляк, высунувшись, за баранкой, из "Жигулей", постучал по кабине кулаком и по лбу своему - кулаком: идиотами обозвал, кажется.

Смугляк - молодой продавец "Автосервиса", а ныне - директор "Автотрассзагруза" Москва-Баку... Годы, годы, и кто бы тогда угадал в дерзком смугляке роскошного Багула

Абрековича Халухадзе?

В детстве Тимоша отличался от своих сверстников рано проявившимся дарованием: вскарабкивался на забор, ерошил чубчик-гребешок и пронзительно кукарекал. Зачаровывался на жерди и долго не слезал с забора, пока отец, продотрядовец, не сгонял его: "Кукарекать, Тимофей, кукарекай, да не закукарекивайся!"..

С годами дарование Тимы развивалось и совершенствовалось, и до той степени профессионализировалось - стали на Тимино кукареkanie зычно петухи деревенские отвечать. Отсюда и тяга у Тимофея Федоровича к руководству сельским хором. Ишь, подавай капеллу ему!..

Но на сцену выбраться городскую Тимофею не удалось. Умер отец, продотрядовец. И назначили Тимофея, учитывая его склонность к искусству, назначили Тимофея Федоровича при районном отделе животноводства регистратором наличия птицы, коллективной и частной. Сын продотрядовца, неподкупного и служивого, Тимофей нигде не нарушил инструкции и не превысил должностных полномочий. Переписывал поголовье птицы ежесезонно и с рвением.

Клава, до замужества еще, обожала с Тимой гулять по окольным хуторам ночами. Она держала Тимин кирзовый портфель, а Тима, прокравшись задами на центр селения, по-тихонечку начинал кукарекать. Примерно, с третьего кукарека ему принимались басить хуторские петухи, не подозревая, что провоцирует их не петух, а районный регистратор.

Клава участвовала в Тиминой разведке девичьим волнением и преданностью невесты, сама была готова кукарекнуть, но Тима, замечая порывы ее, пресекал дерзость дилетантки. И петухи хором заливались на Тимино кукареkanie, хотя половина ночи еще не миновала и далеко еще не маячила во мгле рассветная зорька. Спи да спи, не ори без надобности. Но петухам блазились - они опаздывают оповестить рассвет, а Тима перехватывает у них инициативу. И звенело, росло и текло в поля массовое энергичное кукареkanie.

Утром Тимофей, без подруги, заходил в избы, как заходит старый знакомый к старым

знакомым. Регистратор птичьего поголовья ночью про себя отметил: "Тут не менее двадцати кур, - отвечало-то мне из сарая этой избы, - и два петуха, а не один. А на петуха рачительный хозяин менее десяти кур не заказывает, че дармоеда кормить?".. После смущенных банальных уловок хозяева приветливо распахивали душу: "Да, да, Тимофей Федорович, у нас двадцать кур и два петуха!"

Иные хозяева угощали районного регистратора птицы чарочкой самогона, и районный регистратор, не дрогнув бровью, осушал, не реагируя на провинциальный напиток, запрещенный конституцией. Порою Тимофей Федорович прощал крестьянам и недовоспитанное их мухлевание: сообщат, мол, двадцать кур и два петуха у них, а под сараем пошугай, двадцать третья заколотится. Но социализм не развалится и мощь революционной державы не на курах частных базируется.

Сивея и шелушась волосом, Тимофей Федорович реже и реже кукарекал. Клава, жена его и соратница по неукоснительной переписи птицы, реже и реже на праздниках принуждала мужа кукарекнуть на спор - откликнутся петухи или не откликнутся. Клава тоже посивела и пошелушилась. Кому пить-то, гулять кому?

Дети у них не родились, причину ни она, ни он не уточняли. К обелиску отца и свекра, продотрядовца, навевались регулярно. Но оба посивели, и к обелиску тропа их влекла реже и реже. Старость противнее пустынной пыли, куда ни сунься, везде: на фуражке, в чемодане, в машине, везде противная пыль посивения.

Старость и могучее государство разрушила. Топтались, топтались беззубые и горбоспинные члены политбюро на кремлевских экранах, а молодые за их кителями страну-то и оккупировали, приватизировали, а их на Красной площади позапихали, не их, а ихний прах, в урны, позапихали и забыли. А с забытьем и в газетах вымыли их и прополоскали насквозь.

А продотрядовца-то сын Тимофей Федорович за советскую власть сражается, хор на хуторе гимн под его гармонику исполняет протест - выражает расхитителям свободы, а дети членов политбюро где? Кто - в Париже, кто - Нью-Йорке, кто - в Тель-Авиве. Полное крушение пролетарских идей.

Стареньким, пенсионным Тимофею и Клавдии возле кого оттаять, потеплеть и оптимизмом насладиться? Они - фигуры на хуторе. И гармошка - подчинена им. Тимофею Клавиному. Клава не лезет в культурные мероприятия - свадьбы закураживали и при Хрущеве погуливали. При Брежневке же распоясались до опохмеления: вот и настиг нас кавказским кинжалом Горбачев.

В республиках кровь и кровь, а Тимофея Федоровича срочно вызвали в район, в управление по животноводству и птицеводству, и усовестили: "Животноводство колхозное нерентабельно, а птицеводы-фермеры в регистраторах надобности не испытывают, но вы, Тимофей Федорович, номенклатурная особь, и мы вас оформили на бессрочный отдых!"..

Тимофей Федорович грамотный сотрудник, но "особь" не выдержал, "особь" в питомниках и зверопарках, а он, Тимофей Федорович, сын продотрядовца и руководитель самодеятельного хора на погибающем хуторе. Вернувшись из района, Тимофей раскупорил шкаличек, припасенный к 7 ноября, и хотя трагедия стряслась кадровая с ним в июне, раскупорил и залпом ухнул.

Медленная ветхая Клава и оладьи на сковородке подогреть не успела, а Тимофей развернул гармошку, и поскрипывая расшатанной табуреткой, один на один с самим собою решительно запел:

Да здравствует созданный волей народов

Единый могучий Советский Союз!

Да, созданный волей народов, а куда его дели, Союз, куда? И кто у народов мнение пожелал взять? Клаве горько было глядеть на поющего Тимофея. Пел Тимофей, а очи его кричали и, не слезясь, угасали, отметила Клава, навсегда: искры в них растворялись, ресницы не влажнели, а пороховели - мертвые. И Клава впервые осознала: наступает Багул Абрекович, а Тима ее откукарекал.

Эх, русские мы, русские, сравниться ли нам беспечностью с нерусскими? По чепухе - терзаемся. Из-за пустяка - колотимся. Молитвенный мы народ, а толку от нашей молитвенности нам не планируют. Табунят нас, гонят, заворачивают, рассеивают и карусельную канитель заново над нами включают бритолобые механизаторы.

Багул Абрекович Халухадзе редко звонит. А звонит - круто нервничает: "Ал-лэ, срочно ишо сем замисвала, замисвала, керамика!".. И - точка. Слышишь, гудят, ревут, быки железные? А наши звонят, тенора меняются: "А нельзя ли, а не разрешите ли, а..." Противно. Калининцы - питомцы эпохи Революции, староста СССР - их покровитель.

Дворец растет, хорошеет и завершается. Багул Абрекович Хахуладзе реже и реже выпячивается на улице. А скоро и чугунная клепаная ограда полонила дом. Полонила или обняла и убаюкала его суровой тишиною и непроницаемостью? Даже телефон-автомат онемел за громоздкими воротами. Брякнула щеколда - воцарился порядок в могучем доме. И только по вечерам, осенним и холодным, пылает и, трепеща, растекается приятный люстровый огонь, символ стабильности и успеха. Но - там, за громоздкими неприступными воротами, там, за высокими узкими окнами, похожими на танцующих дам.

А здесь - Калининка. Здесь - грязная улица, хилые избы. А в них - истерзанные властью людишки, потерявшие здоровье и надежду в борьбе за счастье человечества. И здесь - обыкновенный серый обелиск, могилка продотрядовца, Федора Ивановича Солодикова, честного бойца Революции. Жаль - обелиск тонет в сырой мгле, когда великий дворец Багула Абрековича Халухадзе выжирает, надуваясь, электрическую энергию. Выпивает, как его владелец - бокал вина, или верблюд - бурдюк воды из арыка...

* * *

Обелиск тонет в сумеречной мути. Калининка тонет. И Тимофей Федорович похудел. Болеет с тех пор, с тех собачьих лап, которые вдавил в дорожку Барбос. Грязью замазал их Тимофей Федорович - дождик выклевал. Глиной - распылил ветер. А цемента не достать: двор Халухадзе - за оградой, в районе - русским цемент не продают. Заболел Тимофей Федорович.

Следы отпечатались и застыли на дорожке и в сердце. На совести: дескать - крал, клячил, унижался? Слава Господу, не стремится попасть в гости к Тимофею Федоровичу сам Багул Абрекович Халухадзе: со стыда повесился бы калиинец - позор! И повесился бы кто? Он, Тимофей Солодиков, лидер деревенских инвалидов и калек...

Но Багул Абрекович не заглянет к Тимофею Солодинову. Уровень контактов у них может быть и как-нибудь наскребся бы, но слишком разные величины, и материальный стимул слишком разный: богатство - благоухать, а бедность - нить и революционную ситуацию создавать, взбешивая текущую толпу разными паршивыми лозунгами.

За шторами особняка Багула Абрековича чаще и чаще крутятся с южанами девушки, редкая порода русских сук. Ляжет с мужем и, голая, шелестит "Московским комсомольцем", изучает половое "меню" в газете. Муж в командировку - она с подругами к черным: "А ну-ка, чубайсы, показывайте нам свои ваучеры!"..

А те, пылкие и внимательные черкесы, включая Багула Абрековича Халухадзе, хулахупят их напролет целую ночь, а рано утром вышвыривают на первую электричку. Вагон постукивает, и они, сидя и подергиваясь, клюются напорошковленными носиками в синее стеклянное пространство Подмосковья: кому нужны?.. Куры оципанные.

Забеременеть от мужей - стесняются. Родить же от бизнесменов можно, да не просто запомнить: от кого? Перемешались, крутятся... В тридцать - заспидовеют и зачешутся, как сухумские подопытные обезьянки. В сорок - ударятся глупой мордой об одиночество, аж зазвенит у них коллективно в затылке.

Выбегут на митинг к демократам, вытянут по-куриному шеи и: "Мы за Ельцина!", "Мы за Ельцина!". Интеллектуальные паскуды. Собрать бы их всех в хозяйственную корзину и продать для собачьего гарема трясучему Барбосу. Пусть он с ними повозится, это ему не лапами бетонную дорожку метить.

Сеют межконтинентальную рознь. Из-за них многие регионы ракетами долбаются, солдаты в атаках гибнут, а президенты от тронного поста на переговоры отъехать опасаются: куда ни глянь - предатели, хитрят и бесконтрольно развращаются...

Багул Абрекович порядочный бизнесмен, эсэнговец, а вот американцы обнаглели: купят в Москве русскую девушку, а в Чикаго с собою не везут - билет дорого и мест лишних для них в самолете не конструируют.

Америка-супердержава, а слава про нее неприличная катится. Ее гражданин надул гражданку русскую и мужа ее надул. Американцы - лишь бы надуть нас и прок для себя из нас выколотить!

Дашенька была пугливая,

На лице горел румянец,

А теперь она хвастливая:

С ней поспал американец.

Что творил он, выкомаривал,

Знает пара меж собою,

То рычал, то разговаривал,

То бомбил ее, как "Боинг".

Целовал и пел ей песенку:

"Бау, бау, доу, доу!"

Мужу, трезвому балбесу,

Он послал в конверте доллар.

Стали краше будни Митины,

В ореоле лоб Сократа, -

Побежал орать на митинги

За Гайдара, демократа.

А сегодня конституцию

На поверженной сторонке

Загубила проституция,

Доллар есть, да нету жонки.

Доллар есть, а кушать хочется

И с работы сократили,

Гостю любится, хохочется,

Митрий злится, Даша в мыле.

Ловит гостя по гостинице,

Ну, а тот бубня бедово,

С ней здороваться противится:

"Бау, бау, доу, доу!"..

Тяжко русскому слову на земле. Гимн Советского Союза запретили, а вот эту распутную басню магарычные курвы наизусть зазубривают и ржут наперебой, дескать - правда сущая. Когда же мы, русские, сами себя промагарычали? И черт с нами, кабы не наши дети, они же не виноваты за наше эгоистичное наслаждение заморскими капиталами и модною новизною. Эстеты аборигенные!..

Тимофей Федорович пробовал ремнем стегать Барбоса - визжит, а лапы на цементе не смываются. И Клавдия визжит, хотя ее Тимофей Федорович не стегал. Дни принахмурились, а вечера тиной загустели. Душа кричит у Тимофея. Сны нехорошие снятся - отец-продотрядовец у чугунной ограды Халухадзе с топором бродит, а в залы к хозяину попасть не может: "Зарублю! Зарублю!" А причем Халухадзе? Приснилось - отец за Михаилом Ивановичем с топором бежит... К чему?

И засомневался Тимофей Федорович, загорюнил и слег в пятницу, посередине августа. Выпрямился на скрипучей проволочной кровати, обернутый штопаным байковым одеяльцем, вздрогнул и побледнел: дух застегиваться начал.

Клавдия поняла - кинулась к соседям. Скорую? А телефон-автомат - за громоздкими воротами. А в доме - огонь. Ослепляет. А из ярких окон - фонтанирует музыка. Не вальс, не танго, не простая русская песня, а буйная, словно ордынская конница, страшная. Клавдия замотала головою: "Чужия гуляют!"..

Бабушка Фрося ткнулась - ворота на запоре. Культяпный Фрол ткнулся - на запоре. Саня, дурак, пнул по воротам, а ворота: "Гы-ы!"... Орать? Ори. Музыку не переорешь, а время потеряешь. Толпой, бедные, ввалились к Тимофею Федоровичу, а он - холодный. Глаза широко смотрят, и в каждом - по слезинке мерцает, по слезинке...

Схоронили его дружно, в воскресенье, коллективом калининцев, на могилке отца-продотрядовца. А иначе - где? И на обелиске, ниже строки: "Солодиков Ф.И.", добавили, запечатлели "Солодиков Т.Ф." Дату обозначили... Даты разные, отец и сын, а

деревня одна - изуродованная. Да, Багул Абрекович - замок горный. Мы - небритые хибарки. Мы - забытый обелиск...

Калининцы в ближайшее время перемрут, а пионеры не придут к нему: каково обелиску, последнему свидетелю убитой русской деревни, в заснеженных просторах зябнуть?..

1992